

МИФЫ О ЁКАЯХ
ОТ ВОДЯНЫХ ГОБЛИНОВ
И СНЕЖНОЙ ЖЕНЩИНЫ
ДО ЯМАМБА И ТАНУКИ

МАЙКЛ ФОСТЕР

МИ∞

МИФ Культура

Майкл Фостер

**Мифы о ёкаях. От водяных
гоблинов и снежной
женщины до ямамба и тануки**

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2024

УДК 398(520)
ББК 82.3(5)

Фостер М.

Мифы о ёкаях. От водяных гоблинов и снежной женщины до ямамба и тануки / М. Фостер — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 2024 — (МИФ Культура)

ISBN 978-5-00-250744-3

Ёкаи – персонажи японского фольклора, легенд и страшных историй: от лисы-кицунэ и проказливого тануки до коварных водяных каппа и воинственных тэнгу. Пугающие и забавные, зловещие и милые, они могут приносить удачу или вредить, служить оберегами, предвещать перемены или просто проказничать. В наши дни люди продолжают переосмыслять образы ёкаев и придумывать новых. Эти существа живут в городских легендах, мемах, манге, аниме, фильмах Хаяо Миядзаки и видеоиграх, меняются, но остаются неотъемлемой частью японской культуры. Эта книга раскроет перед вами целую галерею образов, которые на протяжении столетий помогают японцам понимать окружающий мир. Майкл Фостер – профессор Калифорнийского университета, исследователь японской мифологии; специализируется на ёкаях и их роли в культуре Японии. Книга проиллюстрирована оригинальными монохромными работами художника и исследователя ёкаев Синономэ Кидзина, а также фотографиями автора и историческими изображениями.

УДК 398(520)
ББК 82.3(5)

ISBN 978-5-00-250744-3

© Фостер М., 2024
© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 2024

Содержание

Предисловие и благодарности	9
Имена, даты, места	16
Часть I. Культура ёкаев	18
Глава 1. Знакомство с ёкаями	18
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Майкл Фостер

Мифы о ёкаях. От водяных гоблинов и снежной женщины до ямамба и тануки

Оригинальное название:

The Book of Yokai: Mysterious Creatures of Japanese Folklore

На русском языке публикуется впервые

Научный редактор Диана Кикнадзе

В тексте неоднократно упоминаются названия социальных сетей, принадлежащих Meta Platforms Inc., признанной экстремистской организацией на территории РФ.

Книга не пропагандирует употребление алкоголя и табака. Употребление алкоголя и табака вредит вашему здоровью.

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© 2024 by The Regents of the University of California

Published by arrangement with University of California Press (USA)

via Alexander Korzhenevski Agency (Russia)

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «МИФ», 2026

* * *

Предисловие и благодарности

Книга ведь не существует сама по себе. Понятие «книга» – это всего лишь удобная выдумка, с которой мы, книги, готовы смириться, потому что так приятнее счетоводам в издательствах, не говоря уже об эго авторов. Но реальность устроена гораздо сложнее. Конечно, существуют отдельные книги – вероятно, вы даже держите одну из них в руках, – но это далеко не вся наша суть. Пусть это прозвучит самонадеянно, но мы и единица, и множество, вечно меняющийся, бестелесный поток. Ваш человеческий глаз видит нас черными метками на странице, ухо ловит отрывистые звуки. С этого начинается наше путешествие внутрь вашего разума, и там мы меняем форму, сливаемся и умножаемся.

Рут Озеки. The Book of Form and Emptiness

Сказки водяного гоблина

Жил да был на свете один каппа. Водяной гоблин.

Он был сантиметров пять в высоту, зеленый, из какого-то прочного керамического материала и стоял на маленьком холодильнике в моей квартире-студии в Калифорнии. Это был обычный недорогой амулет из какого-то святилища – наверное, чей-то подарок из тех времен, когда я впервые жил в Японии. Может быть, я и сам его купил. Так или иначе, я никогда особо о нем не задумывался. Но однажды я открыл холодильник, чтобы взять пива, и почему-то каппа привлек мое внимание. Я повертел его в руках, внимательно осматривая.

Кстати, что такое каппа? Я знал, что это монстрик из японского фольклора, противное и опасное существо, которое утаскивает людей и животных в воду. Но это ничего не объясняло. Маленький гоблин приглашал меня отправиться на поиски, исследовать потусторонний мир фантастических существ и попытаться понять, как он может быть частью нашего мира.

В то время я учился в университете на факультете изучения Азии, где позднее защитил магистерскую диссертацию о каппа. Я не смог ответить на все вопросы, которые из-за него появились, но узнал, что в Японии эти водяные существа входят в более обширную категорию, называемую «ёкаи», а мир ёкаев, в свою очередь, позволяет узнать любопытные детали о мире людей. Ёкаи – это древняя часть веры и в то же время современный рубеж познания и самовыражения. В 1929 году физик и писатель Тэрада Торахико (1878–1935) объяснял, что стремление понять ёкаев лежит в основе инноваций, поскольку оно вдохновляет исследовать мир. И это исследование никогда не заканчивается: в тот момент, когда тайна разгадана, ёкай принимает иную форму, эволюционируя вместе с людьми и побуждая нас продолжать задавать вопросы¹.

Существо на моем холодильнике привело меня в потусторонний мир ёкаев, и я взялся его исследовать, чем занимаюсь до сих пор. Позже я написал докторскую диссертацию по ёкаям, а в 2009 году опубликовал книгу под названием *Pandemonium and Parade: Japanese Monsters and the Culture of Yōkai* («Столпотворение и парад: японские монстры и культура ёкаев») – историю культурного дискурса о странном и таинственном за последние четвереста лет.

Книга «Мифы о ёкаях», первое издание которой было опубликовано в 2015 году (в оригинале *The Book of Yokai*. – *Прим. ред.*), была начинанием совершенно иного рода. Хотя она осно-

¹ Тэрада Торахико. Бакэмоно но синка // Тэрада Торахико дзухицусю / ред. Комя Тоётака, Иванами бунко. 1993. Т. 2. С. 204. (Все работы на японском языке были опубликованы в Токио, если не обозначено иное.)

вана на том, что я узнал во время работы над «Столпотворением и парадом» и в годы после ее издания, в ней больше внимания уделяется ёкаям как форме фольклорной коммуникации: они одновременно являются частью давних исторических традиций и, безусловно, живы и эволюционируют сегодня. Для полноценного погружения такая коммуникация отправляет читателя в прошлое, к самым ранним известным текстам в истории Японии, и знакомит с некоторыми ключевыми личностями, которые отчасти сформировали наше видение сверхъестественного мира. Кроме того, в книге представлены многие из самих ёкаев: некоторые из них уже известны далеко от берегов Японии, а других не знает почти никто за пределами маленьких деревень, где родились легенды о них.

Первое издание

Первое издание «Мифов о ёкаях» увидело свет почти десять лет назад. Книга, которую вы сейчас держите в руках (или видите на экране, или слышите в наушниках), представляет собой расширенное второе издание со многими изменениями и усовершенствованиями, о которых я расскажу чуть ниже.

Первое издание я писал несколько лет, пока жил в двух совершенно разных местах в Японии: в городе Киото и на острове Симо-Косикидзима в префектуре Кагосима. Киото, как известно, большую часть истории Японии был столицей, центром властной элиты и культурного развития. Симо-Косикидзима, с менее чем тремя тысячами жителей, напротив, далек от исторических центров власти, как и от многих удобств городской жизни. Тем не менее оба места идеально подходят для знакомства с ёкаями: эти существа обустроиваются с равным комфортом как в столичных центрах страны, так и на сельских окраинах. И в обоих местах моим размышлениям неоценимо помогали беседы с друзьями, коллегами и учителями. Но, конечно, ответственность за любые ошибки лежит исключительно на мне.

В Киото находится Международный исследовательский центр японской культуры (Нитибункэн), где хранится одна из крупнейших коллекций материалов по ёкаям в мире; его бывший директор Комацу Кадзухико был ведущим академическим исследователем ёкаев в течение последних нескольких десятилетий. Я закончил работу над первым изданием этой книги, когда жил там в 2013 году, и мне посчастливилось иметь доступ ко всем этим материалам, а также к мудрости Комацу-сенсея и участников его *кэнкюкай* (исследовательских семинаров). Я выражаю глубокую благодарность Комацу-сенсею и профессору Ямада Сёдзи. Я признателен Накано Йохэю, Токунаге Сэйко и другим обитателям лаборатории проекта о ёкаях, Эгами Тосинори и сотрудникам библиотеки Нитибункэна, а также Хаяси Хироко, Нисияме Акэми, Но Сон Хвану, Теду Маку и Ямасите Касуми за долгие беседы в отличной компании.

Первую половину 2012 года я жил на острове Симо-Косикидзима, исследуя один местный ритуал, там и начал писать эту книгу. Некоторые из местных ёкаев попали на следующие страницы; но, что более важно, опыт жизни в небольшой сельской общине дал мне более глубокое понимание деревенского образа жизни, который был и остается характерен для многих регионов Японии. Мои друзья с острова помогли мне осознать привязанность людей к месту и неугасающую связь прошлого с настоящим. На перечисление всех тех, кому я хочу сказать спасибо, уйдет слишком много времени, но особенно я благодарен Хирониве Ёситацу и Хирониве Ясуко за многие часы содержательных бесед и изысканные кушанья (*и имо-дзёто*). Я глубоко признателен моему хорошему другу Одзаки Такакадзу и его семье; Сирасаки Хироки, Сирасаки Сугако, Кавабате Цуёси, Кавабате Ёрико, Хирониве Хирокадзу, Хирониве Масако, Мэгуридэ Томифуми, Мэгуридэ Тирико, Хасигути Ёситами, Хасигути Кёко, Хирониве Мамору, Хирониве Эйко и их семьям; рыбакам из Аосэ.

Я признателен Фонду Фулбрайт, который щедро финансировал меня в 2012 году, и особенно Дзинко Бринкману и другими сотрудниками JUSEC за их поддержку. Также благодарю

своих коллег с факультета фольклора и этномузыкологии и факультета восточноазиатских языков и культур Индианского университета за то, что позволяли мне время от времени покидать кампус, чтобы поохотиться на ёкаев. Здесь не хватит места, чтобы перечислить всех друзей в Соединенных Штатах и Японии, которые поддерживали меня как интеллектуально, так и развлекая приятными делами, но я хотел бы упомянуть Аригу Такаси, Кристофера Болтона, Дилара Кумакса, Макиуру Ёситаку, Пола Мэннинга, Стива Стюмпfle, Дениз Стюмпfle, Сугу Ютаку, Цукахару Синдзи и других членов исследовательского сообщества Сингэцукай.

Перевертыши

То было первое издание.

Но, как и ёкаи, книги умеют менять облик. Со временем они начинают выглядеть и ощущаться по-другому, приобретать новое значение и взаимодействовать с людьми иначе. Вполне естественно, что после долгого пребывания в большом мире «Мифов о ёкаях» пора преобразоваться во что-то новое.

Поэтому, когда издательство Калифорнийского университета предложило опубликовать второе издание, я был очень рад возможности обновить и расширить первоначальную работу и включить в нее еще больше примеров богатой визуальной традиции изображения ёкаев. Новое издание отражает растущую популярность ёкаев в массах: англоязычные читатели интересуются ими и хотят знать больше. Сам термин «ёкай» – а также «самурай», «суши», «кимono», «ниндзя» и «рамен» – даже начал проникать в разговорный английский язык как привлекательная и «крутая» часть популярной в мире культуры Японии, ее так называемой мягкой силы.

Так было не всегда. В середине 1990-х, когда я говорил, что изучаю ёкаев, мало кто из моих коллег в Соединенных Штатах – даже знатоков японской культуры – понимал, что я имею в виду. А дав объяснения, я должен был еще убедить собеседника, что это было не просто праздное любопытство. Помню, как один историк расхохотался, когда я, магистрант с горящими глазами, с энтузиазмом рассказал ему о плане своей диссертации. Потребовалось немало усилий, чтобы (надеюсь) убедить его в том, что ёкаи достойны серьезного академического внимания и что мне придется опираться на материал таких авторитетных дисциплин, как история, антропология, исследования медиа, искусствоведение и религиоведение. Я утверждал (и продолжаю утверждать), что ёкаев можно найти во всех этих областях, но они, как правило, остаются в тени; их часто упускают из виду или считают второстепенными. Однако, уделив им время, мы получаем в награду неожиданно глубокое понимание истории, общества и скрытых слоев культуры.

В те времена академическое изучение ёкаев было относительно редким явлением даже в Японии, а само слово «ёкай» не всегда сразу понимали. Вскоре после того, как я приехал проводить исследование в Японию, мой научный руководитель, блестящий и доброжелательный фольклорист Мията Нобору (1936–2000), представил меня заведующей музеем и объяснил, что я здесь, чтобы изучать ёкаев. Сначала та не поняла, о чем он говорит; лишь когда Мията-сенсей использовал другое слово, «бакэмоно», на ее лице отразилось понимание – и удивление.

Но все изменилось. Сегодня в японских университетах ёкаи и все, что с ними связано, воспринимаются как достойные внимания темы исследований в области фольклористики, исследования медиа, религиоведения и других. Ёкаи по-прежнему часто присутствуют в аниме, манге, фильмах и играх, и каждый год появляется множество телепрограмм, популярных книг, журналов и музейных выставок о ёкаях для интересующегося и внимательного зрителя и читателя. Само слово «ёкай» стало привычным, и его используют в равной степени как широкая публика, так и ученые, художники, писатели и издатели.

До некоторой степени такова ситуация и за пределами Японии. Когда я упоминаю ёкаев на своих занятиях по японской культуре в Калифорнийском университете в Дэвисе, почти все

понимают, о чем я говорю. Эти студенты выросли на Pokémon и Yo-kai Watch и постоянно потребляют японскую культуру. Многие заинтересовались Японией именно из-за увлечения ёкаями.

Даже за недолгое время, прошедшее с выхода первого издания «Мифов о ёкаях» в 2015 году, интерес к ним в англоязычном мире успел заметно вырасти. Помимо многочисленных новых переводов аниме, манги и видеоигр, было организовано несколько крупных выставок на тему ёкаев, в первую очередь Yōkai: Ghosts and Demons of Japan («Ёкаи: призраки и демоны Японии») в Музее международного народного искусства в Санта-Фе (Нью-Мексико) и Japan Supernatural («Сверхъестественное в Японии») в Художественной галерее Нового Южного Уэльса в Сиднее (Австралия). По итогам обеих выставок издали иллюстрированные каталоги с эссе экспертов по ёкаям, в том числе некоторых весьма влиятельных японских ученых². В дополнение к этим двум томам также произошел настоящий взрыв англоязычных книг на эту тему – как популярных, так и академических; при этом «ёкай» используется в качестве привлекательного продающего слогана, а иногда даже для ребрендинга старых изданий для новой аудитории. Например, в недавнем переиздании классической книги Лафкадио Хёрна «Квайдан» (1904) есть подзаголовок «Страшные японские сказки о ёкаях, привидениях и демонах»³. В оригинале слово «ёкай» на самом деле нигде не встречается, но как часть названия оно привлекает новых читателей.

Я упоминаю здесь только работы на английском языке, но переводы и исследования о ёкаях популярны и в других языковых сообществах – китайском, корейском, французском и итальянском. Моя основная мысль в том, что даже за пределами Японии ёкаи теперь – феномен, все более узнаваемый предмет для изучения, игры, коммерческих продуктов, выставок; что-то, о чем можно сказать: «Я ими увлекаюсь» или «Мне это интересно», не тратя при этом (слишком много) времени на объяснения и оправдания.

Хотя изначально ёкаи и были чем-то «японским» – и, как, надеюсь, покажет эта книга, они тесно связаны с японским фольклором и историей, – но вместе с тем эти пронырливые существа-перевертыши проникли в мировую культуру. Это, конечно, относится и к переводам японской манги и аниме, но об этом также свидетельствует появление оригинальных работ и франшиз с ёкаями за пределами Японии. Хотя книга «Мифы о ёкаях» не затронет непосредственно современную массовую культуру и СМИ, я хочу отметить, как постоянно расширяется мир, в котором ёкаи сегодня процветают. Я надеюсь, что читатели обнаружат взаимосвязи и по-новому взглянут на знакомых персонажей и сюжеты аниме, манги и игр.

Амабиэ и Момо

Наряду с экспансией в мировую массовую культуру, ёкаи также незаметно вторглись в мировой фольклор, под которым я подразумеваю народные, некоммерческие формы коммуникации, включая мемы и городские легенды в социальных сетях. Наиболее яркий пример – феномен *амабиэ*, который возник через несколько недель после начала пандемии COVID-19. Как известно многим читателям, похожий на божество ёкай амабиэ, который впервые появился в Японии в конце периода Эдо, внезапно вернулся из тишины забвения в 2020 году и начал распространяться через «Твиттер»⁴ и «Инстаграм»[◇] как талисман защиты. За несколько недель

² См.: Yōkai: Ghosts, Demons & Monsters of Japan / ed. F. Katz-Harris. Santa Fe: Museum of New Mexico Press, 2019; Japan Supernatural: Ghosts, Goblins, and Monsters, 1700 to Now / ed. M. Eastburn. Sydney: Art Gallery of New South Wales, 2020.

³ См.: Hearn L. Lafcadio Hearn's Kwaidan: Terrifying Japanese Tales of Yōkai, Ghosts and Demons. Tokyo: Tuttle Publishing, 2022. Оригинальный подзаголовок издания 1904 года был Stories and Studies of Strange Things («Истории и изучение странных вещей»).

⁴ *Здесь и далее:* «Твиттер» – социальная сеть, заблокированная на территории РФ. *Прим. ред.* [◇] *Здесь и далее:* название социальной сети, принадлежащей Meta Platforms Inc., признанной экстремистской организацией на территории РФ. *Прим. ред.*

он привлек внимание всего мира и стал предметом многочисленных публикаций в блогах, газетах, появился в телевизионных передачах и даже научных статьях. (Я обсуждаю это более подробно в [новой статье об амабиэ](#) во второй части этой книги, «Свод ёкаев».)

Но амабиэ – не единственный ёкай, который недавно пересек границу родной страны. В 2018–2019 годах, примерно за год до внезапного появления амабиэ, еще одно событие, связанное с ёкаем, неожиданно наделало много шума в мировых СМИ, вызвав беспокойство в Европе, Соединенных Штатах, Мексике, Канаде, Индии и других странах. Это был так называемый Момо-челлендж: ходили слухи, что ужасающий силуэт (Момо) иногда появляется в интернете, порой в середине совершенно безобидного видео, чтобы «заставить» детей делать нечто неприемлемое. Оказывается, образ Момо: растрепанные волосы, жуткая улыбка и глаза навывкате – основан на ёкае *убумэ* (подробно описан в «Своде ёкаев»). При сегодняшней стремительной смене одних новостей другими Момо-челлендж, возможно, уже почти забыт, но мы можем рассматривать его в качестве примера того, как ёкаи принимают новые формы, иногда даже скрывая свое происхождение, и путешествуют по всему миру.

Учитывая все это, я могу с уверенностью предсказать, что ёкаи продолжат играть важную роль в мировом медиапространстве как коммерческие символы и популярные персонажи и одновременно как часть фольклорных процессов и систем верований, часто передаваемых через социальные сети. Ёкаи все еще могут быть жуткими или комичными существами, прячущимися в сумерках, но их голоса определенно становятся слышнее. Учитывая это, я надеюсь, что новое издание этой книги, как и первое, послужит отправной точкой и справочником для читателей, заинтересованных в историческом и культурном контексте, в котором обитают ёкаи.

Обновления

Итак, чем отличается эта, переработанная и дополненная, книга «Мифы о ёкаях»? Самое существенное дополнение – совершенно новая [часть «Галерея ёкаев»](#). Ёкаи живут в устных и литературных традициях рассказа и сказки, но они также процветают в визуальной культуре. Существует симбиоз, своего рода цикличная взаимосвязь, между устным и визуальным, между представлениями людей и осязаемыми изображениями того, что они воображают. В этой части в общих чертах описывается история изображения ёкаев, особенно в развлекательной культуре периода Эдо; показывается, что значит видеть ёкаев. Очевидно, ни одной книги – тем более одного раздела – не хватит, чтобы представить все изобилие потрясающего искусства, связанного с ёкаями, но я надеюсь, что этих изображений будет достаточно, чтобы восхитить читателей и вдохновить на дальнейшие поиски в библиотеках, музеях или интернете⁵.

Первое издание было проиллюстрировано оригинальными рисунками Синономэ Кидзина – не только блестящего художника, но и исследователя ёкаев. Во втором издании я сохранил большинство его замечательных черно-белых рисунков, но дополнил их многочисленными историческими изображениями, чтобы подчеркнуть, как по-разному люди воображали ёкаев в разные времена. Иногда вы сможете увидеть несколько изображений одного и того же ёкая, что помогает заострить внимание на одной из сквозных тем книги: большое разнообразие и изменчивость даже в пределах одного «вида».

Работа над вторым изданием позволила мне внести различные правки, не только скорректировав некоторые формулировки, но и добавив нюансы, детали, новые мысли и пояснения. Я заново возвращался к каждому из ёкаев в «Своде» и в некоторых случаях, особенно

⁵ На японском языке существуют сотни книг с изображениями, относящимися к ёкаям, но повышается и их количество на других языках. Помимо каталогов выставок, упомянутых выше, примеры недавних публикаций включают: Linetti P. *Yōkai: The Ancient Prints of Japanese Monsters*. Milan: SKIRA, 2023; Marks A. *Japanese Yokai and Other Supernatural Beings: Authentic Paintings and Prints of 100 Ghosts, Demons, Monsters and Magicians*. Tokyo: Tuttle Publishing, 2023 (великолепное полноцветное собрание с детальными пояснениями).

когда были доступны новые источники, внес существенные изменения и дополнения. Что наиболее важно, я добавил несколько новых статей, в том числе расширенное обсуждение амабиэ и связанных с ним ёкаев. Наконец, для читателей, желающих копнуть еще глубже, я дополнил некоторые записи новыми ссылками для дальнейшего изучения. Теперь библиография содержит более 150 новых источников, многие из которых были опубликованы после первого издания этой книги.

Вкратце, это новое и переработанное издание соответствует своему названию: почти на каждой странице есть что-то новое или переработанное, а в некоторых разделах есть ключевые дополнения. Вернувшись в мир исследований ёкаев, я был поражен тем, как много еще только предстоит узнать. Каждый день приносил новые открытия, напоминая о том, что изучение ёкаев, а вместе с ними и истории, искусства, фольклора, литературы и так далее – это бесконечный процесс. Я чувствовал, что могу вечно исследовать, писать, добавлять и совершенствовать. Но я также понял, что наступает момент, когда идеи, слова и образы нужно связать вместе в стопку бумаги или набор цифровых кодов и выпустить в мир в виде книги.

Но даже в этом случае книга никогда не бывает законченной, чем-то единым, застывшим: в сознании читателей и в меняющихся контекстах своего места в мире книга вечно пребывает в беспокойстве, меняет форму, становится чем-то новым. Она, подобно ёкаям, является набором подсказок и кодов, указывающих на нечто большее и запредельное, на то, что предстоит открыть, исследовать и интерпретировать каждому читателю для себя. Мне вспоминается отрывок романистки Рут Озэки, с которого я начал предисловие. От лица книги она пишет: «Ваш человеческий глаз видит нас черными метками на странице, ухо ловит отрывистые звуки. С этого начинается наше путешествие внутрь вашего разума, и там мы меняем форму, сливаемся и умножаемся». Это особенно верно, когда речь идет о книге «Мифы о ёкаях», посвященной таким существам, которые сами по себе неуловимы и меняют облик, а также часто «сливаются и умножаются».

Еще благодарности

Первое издание этой книги было написано почти десять лет назад на Симо-Косикидзиме и в Киото, а второе вышло в 2022–2023 годах, когда я жил в Токио, еще не до конца оправившемся от пандемии. Я в неоплатном долгу перед Татэоко Йоко из Университета Васэда и Уэсуги Томиюки из Университета Сэйдзё, которые в те времена помогли мне обрести не один академический дом, а сразу несколько. Арига Такаси, Мэри Найтон, Дилар Кумакс, Мацусита Хироми, Огано Минору, Итан Сигал, Роберта Стрипполи, Роберт Тирни и Яманака Нори – все были прекрасной компанией и вдохновляли к вдумчивым разговорам; я глубоко ценю годы их дружбы. Спасибо также и новым друзьям и коллегам, в том числе Ямаде Наоко, Джону Уэллсу, Тамуре Уларе, Ямамото Юхэй, Маэкаве Макото, Курабути Хироюки, Такэде Юэ, Ёнэде Мисаки, Такахаси Эми и тем многим людям, которые нашли время для беседы в моих путешествиях по Тохоку, Хокурику, Сикоку и Кюсю. Я также выражаю благодарность Элизабет Ойлер за ответы на мои бесконечные вопросы, Полу Мэннингу – за его неизменную поддержку, невероятно наблюдательному Биллу Цуцуи – за его мудрые (неизменно бросающие мне вызов) предложения, которые значительно улучшили это исправленное издание.

Рид Малкольм из издательства UC Press сыграл важную роль в подготовке первого издания книги – и я по-прежнему благодарен ему, как и Стейси Айзенстарк, Шалон Эммонс и Боните Хёрд. Именно Рид побудил меня взяться за второе издание, за что я ему крайне признателен. Говоря о самом процессе перемены облика, я благодарен Джессике Молл за спокойное руководство производством, Шэррон Вуд – за тщательную правку, Сьюзи Синконе – за безупречную (билингвальную!) корректуру; а также Лекейше Хьюз и, более всего, Энрике Очоа-Каупу – я и мечтать не мог о более вдумчивом, вовлеченном и проницательном редакторе.

И за первое, и за второе издание я также выражаю беспредельную благодарность своей семье. Адам Фостер, Энн Эйтон, Судзуки Тацуо, Судзуки Юми и Судзуки Кэнитиро были необычайно терпеливы и поддерживали меня все время работы над книгой. Мой отец, Джерри Фостер, покинул мир в июле 2014 года, когда заканчивалось редактирование первого издания. Хотя он не успел взять в руки готовую книгу, для меня каждая страница пропитана памятью о нем. Его любознательность, эрудиция и необычайная способность восторгаться фактами и идеями всегда будут вдохновлять меня. И к сожалению, моя теща, Судзуки Юми, скончалась в 2023 году, когда я работал над вторым изданием. Но я всегда буду слышать ее теплый ободряющий голос и стремиться быть, как и она, внимательным к другим и интересоваться окружающим миром.

И наконец, пусть, может, сама книга и изменила свой внешний вид, кое-что никогда не изменится: моя бесконечная благодарность Митико Судзуки, моей соратнице во всем, самой умной и щедрой из известных мне людей. Благодаря ей моя книга, да и вся жизнь, обрела полноту и цель. Она прочла все мои черновики с необыкновенной проницательностью и постоянно побуждала меня писать четче и мыслить глубже. Без нее все было бы бессмысленно.

Имена, даты, места

Замечание о японских именах и терминах

В этой книге японские имена собственные приводятся в принятом в японском языке порядке – начиная с фамилии. Там, где это уместно, я придерживаюсь японской традиции называть некоторых писателей, ученых и художников по псевдониму или имени. Например, Торияма Сэкиэн – Сэкиэн, а не Торияма. Японские слова, часто встречающиеся в тексте, выделены курсивом только при первом упоминании.

Даты и периоды

Я пишу даты на западный манер, но в то же время обращаюсь к нескольким ключевым для Японии историческим периодам и эпохам.

Классическая эпоха

Нара – 710–794
Хэйан – 794–1185

Средние века

Камакура – 1185–1333
Муромати – 1392–1573

Новое время

Эдо (или Токугава) – 1600–1868

Новейшее время

Мэйдзи – 1868–1912
Тайсё – 1912–1926
Сёва – 1926–1989
Хэйсэй – 1989–2019
Рэйва – 2019 – н. в.

Места

В этой книге я много раз буду использовать названия различных мест и территорий. Ниже – некоторые из наиболее часто встречающихся.

Эдо – старое название Токио (до 1868).

Хоккайдо – второй по площади и самый северный из основных островов Японии.

Хонсю – самый большой из четырех основных островов Японии, где находятся города Токио, Осака и Киото и большинство префектур.

Кансай – регион Западной Японии, включающий Киото, Осаку, Нару, Кобэ и соседние территории.

Канто – регион Восточной Японии, включающий Токио и близкие к нему префектуры и города.

Кюсю – третий по величине остров Японии, расположенный на юго-западе.

Окинава – самая южная префектура Японии, расположенная к югу от Кюсю; в нее входят остров Окинава и множество малых островов Рюкю.

Сикоку – наименьший из четырех основных островов Японии, где расположены префектуры Кагава, Коти, Токусима и Эхимэ.

Тохоку – северо-восток Хонсю, включая префектуры Акита, Аомори, Фукусима, Иватэ, Мияги и Ямагата.

Часть I. Культура ёкаев

Глава 1. Знакомство с ёкаями

Почти двадцать пять лет назад я какое-то время жил в маленькой прибрежной деревушке в сельской Японии, когда изучал один местный праздник. Я арендовал ветхий деревянный дом буквально в двух шагах от океана. Всего несколько месяцев до этого там жила другая семья, и в доме все еще оставалось много их вещей: старая мебель, кухонная утварь, ящики, набитые одеждой. Единственная комната в японском стиле с потертым татами служила мне гостиной и превращалась в спальню, когда я раскладывал на ночь фuton. В одном углу стоял телевизор, в другом – буддийский алтарь, высоко на стене висели в ряд черно-белые портреты в рамках, с которых на меня сурово смотрели мужчины и женщины. Это были предки хозяев дома.

Я не знал, почему предыдущая семья уехала. Я снял дом у дальней родственницы владельцев, доброй пожилой женщины, которая жила неподалеку и следила, чтобы мне было комфортно. И пожаловаться было в целом не на что. Я засыпал под бесконечный плеск волн. Несколько раз посреди ночи я просыпался от шорохов на крошечной кухне: бродячая кошка пробиралась внутрь через дыру в полу и шныряла там в поисках объедков. И раз или два, когда с океана приходила буря, я слышал, как волны бьются о берег с жуткой упрямой яростью.

Ветер завывал за стеной, и внутри дрожали хлипкие двери сёдзи.

Но однажды произошла по-настоящему необъяснимая странность. Мы с друзьями засиделись допоздна за выпивкой и разговорами о празднике. Я вернулся домой около полуночи, тщательно записал события дня в полевые заметки и расстелил фuton. И сразу же провалился в глубокий сон.

Когда я открыл глаза, в комнате стоял полумрак. Поблескивали фотографии предков в рамках. Наступал рассвет, этот глухой неподвижный час перехода от темноты к свету, от ночи к дню. Я удивился, почему проснулся так внезапно и так рано. Возможно, кошка снова пробралась на кухню.

Но тут я услышал голоса – женщина говорила тихо, но властно, а ей отвечал мужчина. Окончательно проснувшись, я сел и огляделся.

Голоса доносились из телевизора. Я досмотрел прогноз погоды, начались утренние новости. В этом не было ничего особенно страшного, пока я не задумался, почему вообще телевизор включен. Пульт лежал на столе примерно в метре от моего матраса, так что едва ли я случайно включил его во сне. Может быть, я оставил его включенным ночью? Может, я был пьянее, чем думал, но я не помнил, что смотрел телевизор. Может, произошло что-то странное с электричеством? Возможно ли вообще что-то подобное? Или, может, это знак, какое-то послание? Кто-то пытается мне что-то сказать. Я внимательно послушал новости, но так и не смог понять, в чем заключалось послание, кроме того что в мире царит обычная суматоха.

В итоге я выключил телевизор и снова уснул еще на пару часов. Позже я рассказал о случившемся нескольким своим друзьям в деревне. Они никак не смогли объяснить произошедшее.

Ёкаи, фольклор и эта книга

Я начал с этой истории без финала и морали, обыденной загадки наших дней, потому что она поднимает вопрос о том, как мы интерпретируем мир. В частности, как мы объясняем события, которые с трудом укладываются в наши сложившиеся представления? Спрашивая, кто или что включило телевизор, мы подразумеваем, что с нами взаимодействует живое существо или одушевленная сила, даже если мы ее не видим. Мы можем представить себе эту силу в виде монстра, духа, привидения или оборотня. В Японии такую силу и ту форму, которую она принимает, часто называют ёкай.

И ёкаи, как известно, принимают множество различных форм. Они обычно ассоциируются с фольклором, с маленькими деревушками, старыми городами или пустынными горными перевалами, но они также издавна населяют литературу и искусство. Сегодня они встречаются в аниме, манге, фильмах, компьютерных и ролевых играх. Они, в особенности в этих форматах, пересекли океаны и континенты и стали частью массовой культуры и в странах, далеких от Японии. Так что же такое ёкай? Пока давайте просто будем считать, что ёкай – это странное или таинственное существо, монстр или фантастическая сущность, дух или призрак. Однако, как будет показано в этой книге, ёкаи оказываются сложнее и интереснее, чем можно предположить из этих широко известных терминов. Иногда вопросы вроде «Кто включил телевизор, если в доме никого не было?» заставляют задуматься о ёкаях, которые, в свою очередь, отправляют нас в путешествие по калейдоскопу событий истории и культуры.

Об этой книге

Одна из объединяющих разных ёкаев характеристик – их пограничность, жизнь в промежутках. Это существа из пограничных земель, живущие на окраине города, в горах между двумя деревнями или в водоворотах реки между двух рисовых полей. Они часто появляются в сумерках, в то серое время, когда знакомое кажется странным, а лица становятся неразличимы. Они заселяют мосты и тоннели, входы и пороги. Они шныряют на перекрестках.

Неудивительно, что эта книга о ёкаях также будет где-то посередине. Она основана на многолетних академических исследованиях и полевых работах, но предназначена не только для ученых Японии и специалистов по сверхъестественному в фольклоре. Я, конечно, надеюсь, что она внесет вклад в их обсуждения; но, что более важно, любой, кто хотя бы немного интересуется этими темами, отыщет для себя что-то интересное. Я стараюсь излагать свои идеи как можно более четко, не прибегая к техническим терминам, тем мне менее отдать должное глубине и сложности темы тоже моя задача.

Таким образом, эта книга занимает промежуточное положение между академической и популярной литературой – как и многие японские книги по различным темам. В Японии существует давняя традиция публиковать монографии небольшими тиражами, и в то же время много научно-популярной литературы, в том числе о ёкаях, выпускается коммерческими издательствами и доступно в книжных магазинах по всей стране. Образованная публика регулярно читает серьезные труды по истории, археологии, фольклору, медиа, литературе, религии и даже философии.

Эта книга также написана на стыке культур. Одна из ее целей – познакомить англоязычного читателя с японскими ёкаями и японскими исследователями этой области. На Западе последние несколько десятилетий монстры всё чаще становятся предметом интереса науки и

публики⁶. И хотя большая часть работ на эту тему дает много пищи для размышлений, в них редко встречаются упоминания о японских монстрах и духах. Но как станет ясно из последующих страниц, в Японии изучение чудовищ – ёкаев – процветает уже давно. Как и многие другие гуманитарные работы, исследования ёкаев на японском просто не переводились. Эта книга ни в коем случае не перевод, но в ее основу легли многочисленные и продолжающиеся исследования японцев по теме, и я надеюсь привлечь к ним внимание тех, кто изучает монстров и легендарных существ других культур. В то же время я даю всему этому собственную интерпретацию и анализ, добавляя свой скромный голос к обсуждению.

Серьезные исследования по ёкаям на английском и других языках, возможно, пока немногочисленны, но сами ёкаи становятся всё более узнаваемы за пределами Японии. Эти странные существа, являющиеся неотъемлемой частью так называемой мягкой силы Японии, начали вторгаться в остальной мир. Например, для многих моих студентов в Соединенных Штатах термины «ёкай» и «японский фольклор» практически синонимичны; они встречали *каппа*, *кицунэ* или *тангу* в манге и аниме, фильмах и играх, обычно переведенных на английский язык. Это знакомство вдохновило их на дальнейшее изучение фольклора, на поиск «происхождения» полюбившихся им ёкаев из массовой культуры. И это еще одна цель этой книги – дать читателям некоторую фольклорную основу ёкаев, с которыми они могли столкнуться в других местах. Хотя часто невозможно проследить корни происхождения конкретных существ, я могу предложить понимание влияний и многообразных историй из культуры страны, которые вдохнули в них жизнь.

Нужно иметь в виду, что ёкаи в фольклоре, литературе, искусстве, манге и так далее всегда активно переплетались, поэтому бессмысленно четко разграничивать эти формы взаимодействия с ними. Но по большей части я оставляю анализ самых современных проявлений ёкаев в массовой культуре читателям, которые, вероятно, знакомы с ними лучше меня. Я также не коснусь западных проявлений ёкаев, таких как англоязычные манга и фанфики. Они, конечно, чрезвычайно важны, но мое собственное исследование сосредоточено в основном на тех ёкаях, которые проявляют себя в Японии; надеюсь, что заинтересованные в ёкаях читатели из других стран смогут опереться на представленную здесь информацию или использовать ее для сравнения.

Итак, я разделил весь текст на три части. [Часть 1 «Культура ёкаев»](#) представляет собой историю фольклора и исследований ёкаев, а также рассматривает некоторые концепции, которые определяют взаимодействие ёкаев и людей. [Часть 2 «Свод ёкаев»](#) – это бестиарий, сборник различных ёкаев, который помогает проиллюстрировать многие концепции, приведенные в части 1. [Часть 3 «Галерея ёкаев»](#) посвящена визуальным образам ёкаев, помещает их в исторический контекст и предоставляет большой набор примеров начала XX века. Эти три части взаимосвязаны: ёкаи, рассмотренные во второй части, представлены в первой и третьей, а тексты, упомянутые в первой части, даны во второй и третьей. Некоторые совпадения и повторы

⁶ За последние тридцать лет было опубликовано множество важных книг на английском языке, которые исследуют монстров и связанные с ними темы с разных точек зрения. Следующие примеры – это лишь некоторые из многих: Huet M.-N. *Monstrous Imagination*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993; *Monster Theory: Reading Culture* / ed. J. J. Cohen. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996; Williams D. *Deformed Discourse: The Function of the Monster in Mediaeval Thought and Literature*. Montreal: McGill-Queen's University Press, 1999; Gilmore D. D. *Monsters: Evil Beings, Mythical Beasts, and All Manner of Imaginary Terror*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2003; Kearney R. *Strangers, Gods and Monsters*. London: Routledge, 2003; Asma S. T. *On Monsters: An Unnatural History of Our Worst Fears*. Oxford: Oxford University Press, 2011; *Ashgate Research Companion to Monsters and the Monstrous* / eds. A. S. Mittman, P. Dendle. Surrey, UK: Ashgate, 2012; *The Ashgate Encyclopedia of Literary and Cinematic Monsters* / ed. J. A. Weinstock. Surrey, UK: Ashgate, 2014; *Fairies, Demons and Nature Spirits: "Small Gods" at the Margins of Christendom* / ed. M. Ostling. London: Palgrave Macmillan, 2018; *Monster Anthropology: Ethnographic Explorations of Transforming Social Worlds through Monsters* / eds. Y. Musharbash, G. H. Presterudstuen. London: Routledge, 2020; Reiti B. *Strange Terrain: The Fairy World in Newfoundland. 30th anniversary* / ed. St. John's: Memorial University Press, 2021; *North American Monsters: A Contemporary Legend Casebook* / ed. D. J. Puglia. Logan: Utah State University Press, 2022.

означают, что каждую часть можно читать отдельно, но, чтобы увидеть полную картину, может потребоваться переходить из одной части в другую.

[«Культура ёкаев»](#) разделена на три главы, каждая, в свою очередь, состоит из нескольких разделов. Поскольку в каждой из глав содержится много информации, разделы короткие и включают несколько подзаголовков. В данной главе представлены ключевые понятия, связанные с ёкаями и их изучением. Я немного рассказываю о фольклоре в целом, а затем обозначаю слова, которые исторически использовались для обозначения ёкаев. Наконец, я исследую, как можно дать определение ёкаям, и размышляю о том, как ёкаи появляются на свет.

[Глава 2 «История перевертышей»](#) знакомит с известными наименованиями – как именами, так и названиями текстов, – из которых мы узнаём о ёкаях сегодня. Основной посыл этой главы в том, что ёкаи не существовали бы без людей, которые рассказывали и писали о них, изучали их, а в некоторых случаях пытались подчинить себе. Пока Япония развивалась от одного периода к другому, ёкаи не переставали играть важную роль, часто оставаясь в тени. Эта глава разделена на четыре раздела, каждый из которых посвящен определенной исторической эпохе.

[Глава 3 «Ёкаи: практика и теория»](#) состоит из двух разделов. В первом содержится краткое описание «культурной сети ёкаев» – сети людей, которые тесно связаны с появлением знаний о ёкаях в наше время. И в заключительном разделе предлагаются подходы к пониманию ёкаев и к дальнейшему изучению их значения в более широком, глобальном контексте.

[Часть 2 «Свод ёкаев»](#) оформлена как небольшая энциклопедия. Часто люди постигали ёкаев через их наименование, систематизацию и классификацию, будто единственный способ по-настоящему их определить – привести примеры. Итак, эта часть представляет собой bestiary с информацией об избранных ёкаях; список длинный, но на самом деле покрывает лишь вершину айсберга, поскольку, как я утверждаю на протяжении всей книги, ёкаи разнообразны и многочисленны, постоянно меняются и перерождаются. В свод я постарался включить всех наиболее популярных существ, а также некоторых малоизвестных – но многие неизбежно были забыты. Этот bestiary предназначен для удобного отбора примеров и поиска конкретных ёкаев, но его также можно читать последовательно, от начала до конца, и порой обнаруживать удивительные связи между различными существами.

[Часть 3 «Галерея ёкаев»](#) посвящена ёкаям в визуальном. Она начинается с краткого описания глаз ёкаев и объяснения того, что значит увидеть (или попытаться увидеть) ёкаю, но в основном посвящена их изображениям разных времен. Конечно, это лишь ограниченная выборка, но я включил вступления к некоторым важным форматам, в которых появлялись ёкаи, таким как свитки с иллюстрациями, гравюры на дереве, игры и даже открытки. Многие изображения относятся к периоду Эдо – времени особенно плодотворного и разнообразного творчества.

Исследование ёкаев

Ёкаи живут там, где факт соседствует с вымыслом, а вера – с сомнением. Они населяют мир повествования, в котором законы природы могут давать сбой. И сами ёкаи постоянно меняются – от места к месту и от поколения к поколению. Из-за этой изменчивости очень заманчивы грубо обобщающие или упрощающие утверждения. Кто скажет, что вы неправы, когда речь идет о чем-то столь сложноуловимом и изменяющем форму? Как вообще доказать что-либо об этих существах?

Действительно, когда пишешь о ёкаях, сталкиваешься с такой проблемой: в отличие от исторических личностей, политических событий или экономических изменений, ёкаи редко попадают в авторитетные публичные источники. Они проскальзывают сквозь щели официальной истории. Они никому не принадлежат. Скорее, они общественная интеллектуальная

собственность: любой может играть с ними, изменять их, верить в них и создавать их новые версии, которые распространятся по миру. Именно поэтому ёкаи так глубоко проникают в суть культуры. Они та ее часть, от которой обычно отмахиваются как от «просто фольклора». Итак, как можно исследовать то, что появляется анонимно, существует в нескольких версиях и непредсказуемо путешествует во времени и пространстве? Что делать, когда оригинала не существует? Как исследовать ёкаев?

Когда-то к людям на улице начала подходить одна молодая женщина. Она была привлекательна, но ее рот закрывала большая белая маска. Она хлопала незнакомца по плечу и спрашивала:

– Эй, я красавица?

Потом она снимала маску, и обнаружилось, что уголки ее рта разрезаны до самых ушей.

– И сейчас тоже? – спрашивала она.

Эту легенду мне однажды рассказала подруга-японка. Она слышала ее в детстве и вспоминала, как боялась возвращаться из школы одна. Этот пугающий ёкай назывался *кути-сакэ-онна*, или «женщина с разрезанным ртом», и несколько месяцев в 1979 году одна мысль о ней утрашала детей почти по всей Японии. В моем своде есть более подробная статья о *кути-сакэ-онна*, но я упоминаю ее сейчас, потому что, будучи современным городским ёкаем, она служит хорошим примером того, как нужно изучать ёкаев в целом.

По моему опыту, есть три основных подхода, каждый из которых дополняет другие. Во-первых, этнография: беседовать с людьми, расспрашивать их о ёкаях, на которых они росли и с которыми сталкивались в своих сообществах, родных городах, многоквартирных домах или даже в манге и аниме. Именно так я впервые узнал о *кути-сакэ-онна*, а затем стал интересоваться почти у всех, кого встречал, об их версиях этой легенды и ее значении. Иногда такого рода исследование может быть несложным: вы просто сидите в баре и общаетесь с посетителями. Но для этого также может потребоваться связаться с деревенским историком, взять официальное интервью у издателя или писателя или записаться на прием к жрецу в храме. Может понадобиться поучаствовать в общественном празднике или получить разрешение посетить ритуал или частную церемонию. Иногда для таких исследований придется долгое время быть частью сообщества, постепенно узнавая о повседневной жизни его членов.

Дополнительно исследование можно проводить, разыскивая первоисточник в архивах. Это может значить чтение старых текстов, написанных на китайско-японском камбуне, или изучение изображений периода Эдо и иллюстрированных книг. Также оно может включать чтение популярных журналов, анализ романов или современной манги и аниме. Эти материалы можно найти в научных библиотеках и музеях, а иногда и в местных сообществах или частных домах. Например, *кути-сакэ-онна* не появлялась ни в одном из официальных исторических документов, которые я изучал, но я нашел десятки упоминаний, когда просматривал популярные журналы и таблоиды за 1979-й и начало 1980-х годов. Большинство из этих источников я нашел в архивах Токио, но я также получил некоторую информацию из первых рук – от звукорежиссера, чья компания однажды записала песню о *кути-сакэ-онна*.

И наконец, в Японии уже проведено множество исследований ёкаев. К счастью, высококвалифицированные ученые разобрались в сложных старинных текстах, некоторые даже перевели на современный японский. Они изучили исторические изображения, гравюры на дереве и записи местных жителей и отыскивали скрывающихся там ёкаев. Исследование чудовищ и монстров в Японии, пожалуй, самое активное в мире. Это значит, что существует огромное количество вторичных источников: словарей, антологий и художественных каталогов, а также подробных аналитических материалов. Университетские профессора Японии посвятили множество работ ёкаям, и сегодня некоторые независимые авторы зарабатывают написанием ста-

тей и чтением лекций о них. Легенда о кути-сакэ-онна описана во многих современных сборниках легенд; ей посвящена по крайней мере одна докторская диссертация; несколько ученых писали о ее связи с другими ёкаями-женщинами из более ранних периодов и о том, какие социокультурные проблемы она отражает. Не с каждым анализом я был согласен, но все они помогли мне мыслить глубже и выработать собственные интерпретации.

Как показывает пример с кути-сакэ-онна, изучение ёкаев предполагает сочетание всех трех этих подходов – этнографического, архивного и исследования вторичных источников. При описании большинства ёкаев в этой книге я частично опирался на архивные материалы, этнографию и в значительной степени – на богатый материал исследований, доступный в Японии. Огромную пользу принесли знакомства с некоторыми исследователями: они вносили свои предложения, рассказывали мне о первоисточниках и бережно относились к моим идеям и толкованиям.

На протяжении всей книги я стараюсь быть как можно более точным в пересказе и анализе. Слово «точный» может показаться странным применительно к ёкаям, но именно из-за их призрачности, зыбкости еще важнее замечать, откуда приходят данные и идеи. Именно поэтому я даю так много ссылок и примечаний. Большинство источников, естественно, на японском, но, когда это возможно, я также привожу материалы на английском языке, будь то переводы или оригинальные исследования, чтобы англоязычные читатели узнали, где искать дополнительную информацию. Если не указано иное, все переводы источников на японском языке являются моими собственными.

О фольклоре

Слово «фольклор» в английском языке употребляется относительно свободно. Нам кажется, что мы понимаем этот термин, пока не попытаемся его объяснить. На самом деле фольклор всегда было трудно определить, и он сильно изменился с 1846 года, когда Уильям Джон Томс ввел в обиход неологизм «фолк-лор» для описания «нравов, обычаев, поверий, предрассудков, баллад, пословиц старины и пр.»⁷. Эти понятия все еще входят в фольклор, но «и пр.», разумеется, фактически бесконечно. Оно включает устный фольклор – от мифов, легенд и народных сказок до шуток, анекдотов, воспоминаний и даже сленга. А материальный фольклор – изготовление предметов – может включать в себя что угодно: хоть лепку керамических горшков, хоть складывание оригами, выпечку тортов или резьбу по тыкве. Другим обширным жанром является традиционный фольклор: ритуалы, праздники и верования, которые часто состоят из устной и материальной культуры. Возьмем, например, свадьбу, для которой символически обмениваются кольцами или другими предметами, произносят принятые обеты и едят особые блюда.

Одна из часто выделяемых черт фольклора – традиционность: идея, что нечто обладает дополнительной ценностью из-за связи с прошлым («старинной», по выражению Томса). Но традиции тоже сложно дать определение; я характеризую ее как поведение и верования, которые наполнены особым смыслом или ценностью в настоящем благодаря ощущению преемственности как с прошлым, так и с будущим. Традиции постоянно меняются, даже если сохраняют (или кажется, что сохраняют) связь с тем, как они исполнялись в прежние времена или предыдущими поколениями. И они практикуются в настоящем только потому, что имеют (или так считается) некое отношение к будущему. Можно сказать, что традиции – это творческая преемственность.

⁷ Томс предложил это слово на замену для «народные памятники древности или народная литература». См.: Folk-Lore // Athenaeum. 1846. August 22. Reprinted in Journal of Folklore Research. 1996. Vol. 33, № 3. September-December. P. 187–189.

Механика развития фольклора – это, образно выражаясь, перетягивание каната между двумя силами: консервативным влиянием прошлого и непосредственно ощущаемым влиянием настоящих (и будущих) потребностей. Также при этом присутствует контраст между голосом народа, формировавшимся долгие годы, и вносящим новое голосом отдельного исполнителя или участника. Только в контексте этого напряжения между консерватизмом и динамизмом, между сходством и различием мы формируем и потребляем современный фольклор⁸.

Это перетягивание каната между прошлым и настоящим – одна из сил, благодаря которым рождаются и перерождаются ёкаи. В определенной степени оно применимо к любому процессу творения: ничто не бывает совершенно новым, но и никогда в точности не повторяет старое. Однако фольклор отличается, скажем, от изобразительного искусства или романа-бестселлера тем, что он, как правило, неофициален и неинституционален: фольклор не диктуется официальными властями, такими как правительства, школы или устоявшиеся религиозные институты. Он, конечно, порой пересекается с этими более официальными формами организации, но то, что мы называем фольклором, обычно ускользает от их внимания. Вот почему, в частности, фольклор так легко меняется: его некому контролировать.

Аналогичным образом фольклор принципиально чужд коммерции. Ни один автор, дизайнер или профессиональный художник не диктует, что правильно, а что нет. Фольклор не принадлежит отдельному создателю или группе – он принадлежит всем, кто с ним работает⁹. Это, конечно, не непреложный закон: не столько определение, сколько тенденция или направление. На самом деле, как показывают ёкаи, фольклор, коммерция и массовая культура всегда существовали в подвижном симбиозе. Но в целом фольклор может свободно распространяться и воспроизводиться – или, точнее, люди могут свободно воспроизводить и переосмыслять фольклор, передавая его друг другу во времени и пространстве. И именно поэтому каждое «отдельно взятое» произведение фольклора, как правило, имеет множество версий. Как мы увидим, почти каждый тип ёкаев существует более чем в одном месте в данное время (и более чем в одно время в данном месте). Для ёкаев характерны местные и исторические версии: они всегда и везде сходны, но различны.

И где же найти ёкаев в фольклоре? Нередко они являются частью какой-то истории, обычно легенды или народной сказки. Хотя эти два вида повествования похожи, фольклористы приводят четкое различие. Легенды, как правило, воспринимаются рассказчиком, слушателем как правдивые или, по крайней мере, правдоподобные рассказы. Они обычно содержат конкретные сведения о времени и месте и имена персонажей (иногда исторических личностей). Часто их передают как пересказ личной истории, что-то о «друге моего друга». Народные сказки же, напротив, рассказываются как вымышленные истории для развлечения; их действие происходит «давным-давно» или «в темном лесу», а героями часто становятся «старик и старуха», а не конкретные люди. Ёкаи встречаются в обоих типах историй, а также в коротких рассказах и поверьях, которыми делятся друг с другом местные жители.

Стоит помнить, что не весь фольклор передается из уст в уста, – он может распространяться через письменность, изображения и изготовление предметов. Ёкаи, как видно, особенно часто встречаются на изображениях – на свитках с иллюстрациями и гравюрах на дереве, в разнообразных книгах. В современной культуре социальные сети, сообщения и другие цифровые способы передачи информации расширяют творческие возможности распространения поверий, рассказов, слухов, воспоминаний, идей, страхов, шуток и так далее от одного человека к другому.

⁸ См. обсуждение закона близнецов (twin laws) в: Toelken B. *The Dynamics of Folklore*. Logan: Utah State University Press, 1996. P. 39–52.

⁹ Иногда именно из-за отсутствия «владельца» фольклор подвергается спорам об интеллектуальной собственности и правах коренных народов. См., например: Brown M. F. *Who Owns Native Culture?* Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003.

Наконец, понятие «народ» тоже радикально изменилось со времен зарождения фольклористики. Народ больше не считается, как раньше, необразованным сельским населением. По словам американского фольклориста Алана Дандеса, это «любая группа людей, у которых есть хотя бы один общий признак. Что бы ни было связующим фактором: общая работа, язык или религия, – важно, что у группы, по какой бы причине она ни сформировалась, обычно есть некоторые традиции, которые она называет собственными»¹⁰.

Что возвращает нас к ёкаям. Хотя многие из описанных в этой книге ёкаев существуют уже давно, это не значит, что они остались в прошлом. Конечно, ёкаи имели значение для древних воинов периодов Хэйан (794–1185) и Камакура (1185–1333), городских торговцев периода Эдо (ок. 1600–1868) и, возможно, даже для современных крестьян, трудящихся в небольших сельских поселениях. Но они важны и элегантно одетым офисным работникам в процветающих постмодернистских мегаполисах Японии, и таким людям, как мы с вами, которые разделяют общий интерес к этим таинственным, постоянно меняющимся созданиям.

Тогда как некоторые ёкаи, возможно, уже ушли в прошлое и стерлись из памяти, новые ёкаи и новые версии старых ёкаев всегда рождаются или возрождаются, наполняясь свежей энергией. вспомните историю кути-сакэ-онна – современную городскую легенду, которую рассказывали обычные люди и публиковали популярные журналы. Получается, что, пока существует человеческая культура, ёкаи так или иначе будут процветать. Если мы группа фольклористов, объединенная интересом к ёкаям, то мы связаны с людьми из других мест, которых мы никогда не встречали, – и с теми, кто давно умер, и с теми, кто еще не родился.

Язык ёкаев

Ёкаи начинаются там, где язык заканчивается.

Таинственные звуки. Мелькание огней на кладбище. Наводнение, разрушающее одну деревню и обходящее стороной другую. Ощущение, будто что-то наблюдает за тобой из темноты. Как можно говорить о том, что не поддается пониманию, аномалии? Какие слова мы можем использовать для обозначения того, что не укладывается в установленные категории и, казалось бы, отказывается подчиняться законам природы?

В Японии, как и везде, необъяснимые явления и сверхъестественные существа занимали народное воображение с незапамятных времен. Всё вместе это разнообразие таинственного и странного стало называться ёкаями. В некотором смысле ёкай – это всего лишь удобный термин для обозначения целого ряда сложно описываемых явлений, которые могут переводиться как духи, гоблины, фантомы, привидения, призраки, оборотни, перевертыши, демоны, фантастические твари и монстры. Такое большое разнообразие способов перевода показывает, что это понятие открытое, дополняющееся, и намекает, что за ним скрывается множество различных идей и нюансов. Опасаясь слишком сузить определение, в этой книге я обычно избегаю переводов и использую само слово ёкай, которое, подобно суши или тофу, уже начинает приживаться в других языках.

Не подлежит сомнению, что в культурах мира существуют концепции, сходные с идеей ёкаев. Например, среди фей, ассоциирующихся со многими европейскими культурами, можно обнаружить множество легендарных существ и духов – и злых, и шаловливых, и полезных. Более того, назовем ли мы их феями, монстрами, духами или гоблинами, мистические персонажи встречаются в фольклоре по всей Азии, Африке, Северной и Южной Америке и Океании. Иногда эти существа поразительно похожи на японских. Поскольку эта книга посвящена японскому фольклору, я специально не рассматриваю этих других «ёкаев» (как их ни назови),

¹⁰ Dundes A. *Interpreting Folklore*. Bloomington: Indiana University Press, 1980. P. 6–7.

но надеюсь, что любознательные читатели сами возьмутся за фольклор других культур, чтобы обнаружить параллели и связи.

Мистические слова

Мононокэ 物の怪 / 物の氣

В современной массовой культуре и научной литературе «ёкай» стало зонтичным термином для обозначения многообразнейших мистических происшествий и странных существ. Однако широкое распространение это слово получило относительно недавно; в другие исторические периоды использовались иные обозначения. Так, в период Хэйан всякое жуткое и необъяснимое часто называли мононокэ (*моно-но кэ*). Этот термин, например, обнаруживается в «Гэндзи моногатари» («Повесть о Гэндзи», начало XI в.) Мурасаки Сикибу, самом известном литературном тексте периода Хэйан, где мононокэ «принимают невидимый облик, изображая духи людей»¹¹. Перевести «мононокэ» буквально затруднительно, но «моно» обычно

означает «вещь» или «материя», а «кэ» (怪) – нечто таинственное, подозрительное или беспокоящее. Некоторые исследователи предполагают, что в ранних текстах «моно» относилось не к конкретным вещам, как в современном японском, а к чему-то аморфному и призрачному,

как души или духи¹². Хотя иероглиф 怪 наиболее часто используется в наши дни, в ранних

текстах появляется иероглиф 氣, который один ученый интерпретирует как нечто скользящее и невидимое, испускаемое духами или демонами и «вызывающее болезнь или смерть при прикосновении»¹³. Исторически понятие «мононокэ» меняло значение и сферу употребления, но в период Хэйан это слово обозначало опасность, неопределенность, страх – что-то вредоносное.

Они 鬼 и хякки ягё 百鬼夜行

Еще для обозначения опасности и страха использовалось слово «они», которое сегодня обычно переводится как «демон» или «огр-людоед». В период Хэйан они по умолчанию означало любое неприятное и угрожающее существо, часто, но не всегда внешне похожее на человека. Например, они (в данном случае произносится как «ки») входит в состав выражения хякки ягё (также произносится как «хякки яко»), которое можно перевести как «ночной парад сотни они». В текстах периода Хэйан хякки ягё обычно означает процессию опасных существ, проходящую через столицу Хэйан (современный Киото). О том, что в определенный вечер хякки ягё выйдет на улицы, предупреждал *оммёрё*, отдел предсказаний, где трудились практики *аммёдо* – сложной системы предсказаний и геомантии, основанной на принципах инь и ян. С хякки ягё сталкиваться не стоило: внезапно привычное пространство города оказывалось во власти диких, непредсказуемых, опасных демонов. Ненадолго наш и потусторонний миры пересекались, и обычные правила культуры людей переставали действовать.

¹¹ Bagen D. G. A Woman's Weapon: Spirit Possession in The Tale of Genji. Honolulu: University of Hawai'i Press, 1997. P. 20.

¹² Такэмицу Макото. Нихондзин нара ситгэ окитай: «Мононокэ» то Синто. Кавадэ сёбо синся, 2011. С. 9; Ямаути Хисаси. Мононокэ. Т. 1 // Моно то нингэн-но бункаси. № 122. Хосэй Дайгаку сюппанкёку, 2004. С. 15–17. Барген предлагает перевод «мистическая материя» (mystery matter). См.: A Woman's Weapon... P. 20.

¹³ Кояма Сатоко. Мононокэ-но Нихон-си: Сирё, юрэй, ёкай-но 1000 нэн. Тюокорон синся, 2020. С. 16. Кояма поясняет, что при анализе мононокэ ученые в основном сосредоточиваются на «Повести о Гэндзи», но также важно учесть другие тексты. Краткое описание исторического использования термина и связанных с ним фраз и концепций см.: Кояма. Мононокэ... С. 2–31.

Кроме того, тот, кто выезжал за пределы города, мог случайно наткнуться на чуждую территорию, заселенную демонами. Один рассказ из «Удзи суй моногатари» («Рассказы, собранные в Удзи», ок. 1220; далее – «Рассказы из Удзи») повествует о монахе, который проходил в одиночестве по провинции Сэцу (недалеко от современной Осаки). Наткнувшись на заброшенный храм, он решил устроиться там на ночь и начал произносить заклинание, обращаясь к божеству-хранителю Фудо. Но внезапно «толпа численностью около сотни ворвалась в храм, каждый с факелом в руке. Когда они приблизились, он увидел, что это были фантастические, странные существа, совсем не похожие на людей; их было множество, у некоторых был только один глаз, у некоторых – рога, а их головы были столь ужасны, что не поддавались описанию». Монах провел ночь в ужасе и выжил только потому, что его защищал Фудо. После, когда сборище наконец убралось восвояси и встало солнце, монах с ужасом обнаружил, что никакого храма на самом деле и не было, и он даже не смог найти тропинку, по которой пришел. В конце концов он встретил нескольких путешественников, сообщивших ему, что он в провинции Хидзэн – в сотнях километров от Сэцу!¹⁴

В некоторых случаях один лишь взгляд на хякки ягё может привести к смертельному исходу. Например, в «Окагами» («Великое зеркало», ок. 1100) рассказывается, как дворянин Моросукэ встречает хякки ягё, когда едет по столице. Приказав своей свите поставить носилки на землю, он опускает полог и произносит защитное заклинание. Когда опасность наконец минует, он поднимает жалюзи и продолжает путешествие. (Интересно, что в этом отрывке говорится, что только Моросукэ, как члену знати, опасно наблюдать за процессией демонов; очевидно, его слуги не могут даже их видеть¹⁵.)

Учитывая такую опасность наблюдения за этой ночной процессией, парадоксально, что для последующих поколений хякки ягё стало названием жанра иллюстраций ёкаев, которых никак не назовешь устрашающими. Пожалуй, самыми известными из таких жанров считаются свитки с картинками (*эмаки*) – *хякки ягё эмаки*. И хотя для этих свитков использовали выражение «хякки ягё», изображенные на них ёкаи представлены в особенно комичной и беззаботной манере и «не отражают тот самый хякки ягё из сборников рассказов периодов Хэйан и Камакура»¹⁶.

Цукумогами 付喪神

Примечательно, что многие из странных существ, изображенных на свитках хякки ягё, – это ожившая домашняя утварь (*кибуцу*) и другие бытовые мелочи с ногами, руками, глазами, а иногда и хвостом. Встречаются и музыкальные инструменты – например, одно существо с красными конечностями и бивой (японским аналогом лютни) вместо головы, волочащее за собой нечто вроде кото с ногами и змеиным хвостом¹⁷. Такие вещи-ёкаи называются *цукумогами* – и, по-видимому, такая судьба ждала те вещи, которые выбросили после столетней службы безо всякого уважения. Изображенные легкомысленно – в виде игривого шествия музыкальных инструментов, мисок для риса, кухонных принадлежностей, различных гротескных существ, –

¹⁴ Англоязычный перевод см.: Mills D. E. A Collection of Tales from Uji: A Study and Translation of Uji Shūi Monogatari. Cambridge: Cambridge University Press, 1970. P. 154–155. На японском см.: Мики Сумито, Асами Кадзухико, Накамура Ёсио, Коути Кадзуаки. Удзи суй моногатари: Кохон сэцува сю, Син Нихон котэн бунгаку тайкэй. Иванами сётэн, 1990. Т. 42. С. 30–32.

¹⁵ Ōkagami, the Great Mirror: Fujiwara Michinaga (966–1027) and His Times / trans. Н. С. McCullough. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1980. P. 136.

¹⁶ Танака Такако. Хякки ягё но миэру тоси. Синъёся, 1994. С. 189, 192–193.

¹⁷ Изображения и обсуждение разных хякки ягё эмаки см. в: Танака Такако. Хякки ягё но миэру тоси; Танака Такако. «Хякки ягё эмаки» ва нао мо катару // Дзусэцу: Хякки ягё эмаки о ёму / ред. Танака Такако, Ханада Киётэру, Сибусаву Тацухико, Комацу Кадзухико. Кавадэ сёбо синся, 1999. С. 17–33. Об историческом контексте хякки ягё в целом, включая различия между хякки ягё и цукумогами, см. фундаментальный труд Танаки «Хякки ягё но миэру тоси».

эти образы далеки от пугающего представления о хякки ягё периода Хэйан. С одной стороны, возможно, это тривиализирует первоначальную идею хякки ягё как ужасающей потусторонней угрозы, на которую нельзя даже смотреть; с другой стороны, так угроза проникает прямо в наш дом – ведь даже обычные предметы обихода могут когда-то ожить и превратиться в монстров.

Хякки ягё (цукумогами). Оригинальная иллюстрация Синомомэ Кидзина.
Original illustration by Shinonome Kijin

Таким образом, выражение «хякки ягё» со временем приобрело новое значение и в итоге им стали называть всевозможных фантастических существ – от по-настоящему ужасающих до

забавных музыкальных инструментов, а также все промежуточные варианты. Это слово ассоциировалось с опасностью, но в то же время и с суматошным карнавальным шествием, игрой и плясками всевозможных существ и предметов. Все эти аспекты – противоречие между пугающим и комичным, отталкивающим и привлекательным, акцент на игривости, разнообразии и изобилии – остаются важны в мире ёкаев и сегодня.

Бакэмоно 化物 и обакэ お化け

В период Эдо другое слово, *бакэмоно*, начало встречаться повсюду: от иллюстрированных книг до пьес *кабуки* и представлений *мисэмоно*. Буквально оно означает «изменяющийся предмет» или «меняющееся», что подчеркивает изменчивость, свойственную многим ёкаям. Но его использовали не только для оборотней-перевертышей: это слово также применялось к разного рода странным, пугающим или аномальным существам. Даже сегодня оно широко используется в разговорной речи, а иногда и в научных и литературных дискуссиях. Родственное слово «*обакэ*» тоже по-прежнему популярно, особенно среди детей. И бакэмоно, и обакэ похожи на слово «монстр». Ими можно обозначить как злодея, так и кого-то или что-то выдающихся размеров – например, «посмотрите на эту тыкву, вот это монстр!»¹⁸.

Ёкай 妖怪

Однако в последние годы наибольшую популярность обрело слово «ёкай». Оно состоит из двух китайских иероглифов (кандзи) – оба означают странность, тайну, обман, колдовство или подозрение. Это слово имеет китайские корни, но в Японии встречается уже в мифоисторическом тексте VIII века «Сёку нихонги», где говорится, что из-за «ёкая» – можно догадаться, что это некое странное происшествие или невезение, – при императорском дворе провели церемонию очищения¹⁹. В классический и средневековый периоды это слово использовалось редко, но начинает встречаться все чаще в середине периода Эдо с подписанной транскрипцией: «бакэмоно».

Однако только в период Мэйдзи (1868–1912), а именно в творчестве Иноуэ Энрё, слово «ёкай» постепенно стало термином для обозначения всего, что не поддается объяснению. В первой половине XX века фольклорист Янагита Кунио использовал слово «ёкай» в своих исследованиях как общее обозначение, а в конце XX века его выбрал для своих работ популярный мангака Мидзуки Сигэру. Сегодня «ёкай» часто встречается как в научной, так и в популярной литературе, где, как отмечалось ранее, это слово стало зонтичным термином, который может переводиться как монстр, дух, гоблин, демон, фантом, привидение, фантастическое существо, божество низшего порядка или необъяснимое происшествие²⁰.

¹⁸ О бакэмоно см.: Комацу Кадзухико. Ёкай: Кайсэцу // Ёкай / ред. Комацу Кадзухико. Кавадэ сёбо синся, 2000. Р. 436; Adam Kabat (Адаму Кабатто). Бакэмоно-дзукуси но кибёси но косацу: Бакэмоно-но гайнэн о мэгуттэ // Ёкай / ред. Комацу. С. 141–164.

¹⁹ Син Нихон котэн бунгаку тайкэй. № 16 / ред. Аоки Кадзуо, Инаока Кодзи, Сасаяма Харуо и Сирафудзи Норюки, Сёку Нихонги. Иванами сэтэн, 1998. Т. 3. С. 33.

²⁰ Комацу. Ёкай: Кайсэцу. С. 435–436. См. также: Кёгоку Нацухико. Ёкай то иу котоба ни цуйтэ (соно 2) // Кай. 2001.

№ 12. Декабрь. С. 296–307. Термин «кайи» (怪異) также упоминался как «ключевое слово» для обозначения необъяснимых происшествий, особенно для анализа того, как мистические феномены интерпретировались и систематизировались правительствами и другими властями в разные исторические периоды. См.: Нисияма Масару. Дзёбун // Кайигаку но тихэй / ред. Хагаси-Адзиа кайи гаккай. Киото: Ринсэн сэтэн, 2018. С. 5.

Боги, монстры, удивительные звери, призраки

Ёкаи и Kami 神

Ками (часто используется с уважительным суффиксом: *ками-сама*) – ключевое понятие, связанное с ёкаями, означающее «бог» или «божество». Однако подобный перевод может ввести в заблуждение: хотя *ками* в Японии почитают и возносят молитвы, но они не обладают всемогуществом, присущим богам в монотеистических религиях. Скорее, в природе есть множество *ками*, населяющих самые разные предметы. Крупная или выдающаяся деталь ландшафта, такая как гора, водопад или древнее дерево, может содержать *ками*; иногда *ками* могут поселяться в чем-то небольшом и незначительном, например в валуне, камне или журчащем ручье. *Ками* многочисленны и разнообразны, они повсюду: практически все потенциально может обладать духом.

Здесь я должен отметить, что религия в Японии известна своим запутанным устройством; сама идея «религии» здесь нова²¹. В общем доминируют два направления мысли: буддизм и синтоизм, – но они уже давно плотно переплелись. Хотя описанное выше поклонение *ками* часто относят к «религии синто», исторически синтоизм не был упорядоченной и институционализированной системой. Скорее, его можно рассматривать «как ряд попыток объединить разрозненные культы *ками* или создать отдельную религиозную традицию, преобразовав местные культы *ками* в нечто большее»²². Культы *ками*, народные религиозные практики, локальные традиции верований – как ни назови, по всей Японии множество малых общин все еще каждый день поклоняются *ками* природы. Всегда важно помнить о многообразии и несхожести этих традиций: значение *ками* в одно время и в одном месте необязательно совпадает с другим. Как говорят исследователи истории синтоизма, «многообразны пути *ками* в истории Японии»²³.

Также важно помнить, что некоторые *ками* могут быть могущественными, но необязательно хорошими в моральном плане. Более того, некоторые *ками* известны своей вспыльчивостью и жестокостью; грань между божеством и демоном редко бывает четкой и часто зависит от точки зрения тех, кто соприкоснулся с *ками*. Точно так же в буддизме есть множество чудовищных на вид фигур, которые одновременно пугающи и доброжелательны. Обобщая, в ранний исторический период в Японии дух чего-либо мог принимать одно из двух различных проявлений: он мог быть сердитым и грубым – *аратама* или мягким и добродетельным – *нигитама*. Грубых духов иногда называли *бни*, и, как мы уже видели, они явно связаны с ёкаями²⁴.

Хотя и заманчиво рассуждать в терминах простого противопоставления – *ками* хорошие, а ёкаи плохие, – грань между ними размыта. Янагита Кунио, отец японской фольклористики, предположил, что ёкаи – это *ками*, которые со временем «деградировали», что предполагает, что они тесно связаны. Более того, хотя ёкаи часто считаются озорными и даже кровожадными, они не всегда обязательно ведут себя скверно. Отдельный *ками* (или ёкай) может становиться положительным или отрицательным в зависимости от точки зрения: например, в семьях, для которых река служит источником воды для посевов, духу воды могут поклоняться как *ками*, а семьи, страдающие от засухи, будут презирать его как ёкаю. То, что приносит пользу одному

²¹ Josephson J. *Ā*. The Invention of Religion in Japan. Chicago: University of Chicago Press, 2012.

²² Teeuwen M., Scheid B. Tracing Shinto in the History of Kami Worship: Editors' Introduction // Japanese Journal of Religious Studies. Fall 2002. Vol. 29, № 3–4. P. 199.

²³ Introduction: Shinto Past and Present / eds. J. Breen, M. Teeuwen // Shinto in History: Ways of the Kami. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2000. P. 7.

²⁴ Комацу Кадзухико. Ёкай то ва наника // Ёкайгаку но киси тисики / ред. Комацу Кадзухико. Кадокава гакугэй сюппан, 2011. С. 16–17.

человеку, может навредить другому. Фольклорист-антрополог Комацу Кадзухико предположил, что ёкаи – это «непочитаемые» камни, а камни – это «почитаемые» ёкаи²⁵.

Также отмечу, что различия между камнями и ёкаями в некотором смысле носят академический характер. Безусловно, они являются значимыми инструментами для осмысления того, как люди понимают мир со всеми его необъяснимыми ужасами и таинственными радостями, но в повседневной жизни в таких различиях, возможно, нет необходимости. Я вспоминаю приземленные слова Симуки Сёити, локального лидера небольшой общины Ямасиро-тё в горах Сикоку:

Японские социологи и исследователи ёкаев, которые не занимались ничем, кроме академических изысканий, – те, кто на самом деле никогда не соприкасался с природой, а только учился по книгам, – часто хотят разграничивать понятия. Говорят, что камни – это камни, а ёкаи – это ёкаи. Я же не вижу разницы. И камни, и ёкаи – это одно и то же. Камни ведь тоже могут менять облик, и, когда люди совершают ошибки, они наказывают их – часто принимая новую форму. Такие камни делают то же, что и ёкаи²⁶.

Независимо от того, видим ли мы между ними различие, и камни, и ёкаи отражают то, что Комацу называет «анимистическим мышлением» (*анимидзуму-тэки каннэн*), которое предполагает, что одушевляющие силы и духов можно найти во всем, что нас окружает: не только в животных и живой природе, такой как деревья, но и в горах, реках, камнях. Комацу предполагает, что такой способ интерпретации мира, возможно, остается частью сознания многих японцев и сегодня²⁷. Используя здесь такие термины, как «анимистический» и «анимизм», я должен сделать некоторое отступление, потому что в западной науке у них длинная история и они часто ассоциировались с идеологией колониализма и использовались уничижительно для описания «примитивных» систем верований. В Японии дискуссии об анимизме (*анимидзуму*) также имеют особый исторический контекст и ассоциации. Более того, подобно другим ярлыкам, таким как «синтоизм», анимизм в массовом употреблении часто становится общим термином, не допускающим сложности, разнообразия и нюансов. Религиовед Фабио Рамбелли предостерегает от «общепринятых предположений» об «однородной природе» анимизма в Японии. Нам следует с осторожностью относиться к упрощенным описаниям, в которых «все без исключения описания духов понимаются как варианты одной и той же веры в то, что все в природе одушевлено»²⁸. Разнообразие ёкаев, обсуждаемых в этой книге, я надеюсь, опровергнет любое подобное предположение об однородности и вместо этого продемонстрирует разнородность верований, трудность определения уровней верований и в конечном счете – невозможность обобщающих заявлений относительно ёкаев или камней.

Но, учитывая, что культурный анализ неизбежно предполагает некоторое упрощение, все же эвристически полезно представить себе континуум, основанный на разграничении Комацу между тем, что мы назовем ёкаями, и тем, что мы назовем камнями. На одном конце, в кластере ёкаев, у нас есть все, что кажется неприятным, нежелательным, низким, недостойным покло-

²⁵ Янагита Кунио. Тэйхон... 1969. Т. 5. С. 125; Комацу Кадзухико. Ёкайгаку синко: Ёкай кара миру Нихондзин но кокуро. Сёгакукан, 1994. С. 33–40, 162–173.

²⁶ Интервью с Симокой Сёити в Ямасиро-тё, Миёси-си, Токусима-кэн, 7 августа 2023 года.

²⁷ Комацу. Ёкай то ва наника... С. 16.

²⁸ Introduction: The Invisible Empire: Spirits and Animism in Contemporary Japan / ed. F. Rambelli // *Spirits and Animism in Contemporary Japan: The Invisible Empire*. London: Bloomsbury Academic, 2019. P. 10. Сам Комацу использует выражение «анимистическое мышление», предположительно, чтобы позволить менее четкую интерпретацию. Превосходное обсуждение истории и нюансов анимизма в японском контексте см. во введении и других главах Рамбелли, собранных в *Spirits and Animism*. Некоторые антропологические обсуждения последних лет предпринимают попытку разъединить «анимизм» и его колониальную историю, чтобы вернуть его в более продуктивной форме; об этом «новом анимизме» и истории дискурса анимизма в Японии см.: Yoneyama Sh. *Animism in Contemporary Japan: Voices for the Anthropocene from Post-Fukushima Japan*. London; New York: Routledge, 2019.

нения. На другом конце находится все полезное, желанное, славное и почитаемое, что обычно называют ками. Но это крайности, и каждая отдельная сущность может двигаться по этому континууму. Если «плохой» ёкай делает что-то «хорошее», мы можем считать его ками, и наоборот.

Другими словами, личности духов не высечены в камне: они зависят от взглядов людей, взаимодействующих с ними. Посредством соответствующих действий человека, например ритуалов умиротворения, грубый дух может превратиться в мягкий. То, что угрожает человеческим предприятиям и обществу (аратама, ёкай), может быть преобразовано в полезную сотрудничающую силу (нигитама, ками). Одним из известных примеров трансформации является Сугавара-но Митидзанэ (845–903) – ученый и поэт периода Хэйан, который по политическим причинам был сослан на нежелательный пост на Кюсю. Говорят, что после смерти он превратился в мстительного духа (*онрё*) и вызвал множество ужасных несчастий, включая преждевременные кончины, наводнения и грозовые бури. Наконец, благодаря заявлениям правительства и церемониям умиротворения он был обожествлен, превращен в ками по имени Тэндзин-сама. Бедствия прекратились²⁹. Сегодня Митидзанэ считается ками новых знаний, потому что при жизни был великим ученым. Его святилища стоят по всей Японии, и каждый год тысячи школьников стекаются туда, чтобы помолиться об успехе на вступительных экзаменах.

Таким образом, в случае с Митидзанэ человеческая воля превратила смертоносного духа в полезного ками, который, например, помогает ученикам поступить туда, куда они хотят. И это важно, потому что в конечном счете суждения о хорошем или плохом, проблематичном или полезном, желательном или нежелательном, заслуживающем или не заслуживающем поклонения основаны на человеческой интерпретации. Комацу предлагает представить случай, когда в небе появляется яркий объект и начинает падать. Все согласятся, что это мистическое событие, но будет ли оно воспринято как доброе предзнаменование или несчастливое, зависит от наблюдателей³⁰. Таким образом, ёкаи дают представление о том, как люди в разные исторические моменты и при разных обстоятельствах наблюдали и интерпретировали окружающий мир.

Кайдзю 怪獣

Идея, что ёкай может быть предзнаменованием чего-либо, хорошо согласуется со словом «монстр», которое происходит от латинского *monstrum*, что «для римлян обычно означало сверхъестественное событие, считающееся божественным знамением, предупреждением о чем-то»³¹. В этом смысле «монстр», безусловно, удобный перевод слова «ёкай», но в то же время черты ёкая могут сильно отличаться от тех, которые сегодня принято ассоциировать с монструозностью на Западе. В современной культуре под монстрами обычно понимаются физически устрашающие или пугающе гротескные существа; некоторые ёкаи тоже таковы, но многие другие проявляют себя в более тонких, мистических проделках. Фактически категория ёкаев охватывает весь спектр от осязаемых существ до неосязаемых явлений, от твердого и воплощенного до духовного и эфемерного. Таким образом, в целом «ёкай» – это более широкое и неопределенное понятие, чем «монстр». В книге я в основном использую слово «ёкай» и предоставляю читателю самому определить, чем они отличаются (и отличаются ли) от монстров и подобных существ в других языках и культурах.

²⁹ См.: Borgen R. Sugawara no Michizane and the Early Heian Court. Cambridge, MA: Council on East Asian Studies, Harvard University, 1986. P. 307–325.

³⁰ Комацу. Ёкай то ва наника... С. 10.

³¹ Felton D. Rejecting and Embracing the Monstrous in Ancient Greece and Rome // Mittman and Dendle / eds. Ashgate Research Companion. P. 104. Вдумчивое обсуждение монстров см.: Mittman A. S. Introduction: The Impact of Monsters and Monster Studies // Mittman and Dendle / eds. Ashgate Research Companion. P. 1–14.

Однако следует обратить внимание на другое распространенное японское слово, которое часто переводят как «монстр»: *кайдзю*. «Кайдзю» имеет общий иероглиф («кай») с «ёкай» и может переводиться как «странный зверь». Разница между кайдзю и ёкаями не вполне ясна, но кайдзю обычно относится к гигантским существам, таким как Годзилла, Мотра и Гамера, которые появляются в *кайдзю эйга*, или фильмах о монстрах. Кайдзю почти вовсе не встречаются в народных сказках и легендах. В общем, кайдзю – это физически гигантские существа, чье происхождение прослеживается не в народных корнях, а в коммерческих источниках, обычно в фильмах. Таким образом, несмотря на то, что Годзилла (или, по-японски, Годзира) является одним из самых известных японских монстров, в Японии она не считается ёкаем³².

Юрэй

Наконец, еще одно важное нам слово – *юрэй* (обычно переводится как «призрак»). Часто при обсуждении ёкаев возникает вопрос: чем они отличаются от юрэев? То есть чем различаются ёкаи и призраки? Как и со всеми вопросами о столь расплывчатых концепциях, ответ зависит от разных факторов, таких как обсуждаемый исторический период.

В статье, опубликованной в 1936 году, Янагита Кунио утверждал, что в прошлом четко понимали разницу между юрэем и обакэ, или бакэмоно (под которыми, как мы можем предположить, он подразумевает ёкаев). Он указывает на различия в локациях, жертвах и времени. Ёкаи, объясняет он, «обычно появляются в определенных местах. Если вы избегаете этих конкретных мест, вы можете прожить всю жизнь, ни разу не столкнувшись с ними». Однако юрэй не связаны с определенными местами, а преследуют тебя, где бы ты ни оказался. Ёкаи неразборчивы в том, кого мучить: «Они не выбирают своих жертв, чаще их мишенью становятся обычные люди». В отличие от них, юрэй «нацеливаются только на того, кто как-то их беспокоит». Наконец, ёкаи могут появляться в любое время дня и ночи, но предпочитают «тусклый свет» сумерек и рассвета. Юрэй выходят только во время *усимицу* (третья четверть часа быка, примерно 2:00–2:30), когда ночь самая темная³³.

Последующие исследователи подвергали выводы Янагиты сомнению: находили исключения и указывали на то, что чаще всего юрэй ассоциируется с умершим человеком. Учитывая, насколько общо понятие «ёкай», возможно, лучше будет считать юрэев подмножеством более широкой категории ёкаев. Именно это предлагает Комацу Кадзухико, объясняя, что юрэев можно рассматривать как особую подкатегорию ёкаев точно так же, как мы считаем человека видом животных. Поскольку люди – это животные, обладающие особой культурой, им, как правило, уделяется повышенное внимание в рамках более широкого изучения живых существ. Так и юрэй, как ёкаи, имеющие особые отношения с людьми, интересны в рамках более широкого изучения ёкаев.

Комацу далее указывает, что призраки в японской истории и культуре условно делятся на два родственных «типа». Первый – так называемые фольклорные призраки: умершие, связанные к кому-то или чему-то или не завершившие свои дела. Они разгуливают по миру, почти полностью сохранив свою прижизненную внешность. Не зная точно, что они мертвы, вы можете и не заметить в них ничего странного. Такие призраки часто питают глубокую неприязнь к конкретному человеку или, возможно, неутоленное чувство любви или дружбы. В некоторых случаях человек становится призраком, потому что умер внезапно, не успев прими-

³² Более подробно об этом см.: Foster M. D. *Pandemonium and Parade: Japanese Monsters and the Culture of Yōkai*. Berkeley: University of California Press, 2009. P. 160–163. О различиях между ёкаями и кайдзю см.: Сайто Дзюн. Ёкай то кайдзю // Ёкай-хэнгэ / ред. Цунэмицу Тору. Тикума сёбо, 1999. С. 66–101. О Годзилле и других кайдзю из фильмов о монстрах см.: Tsutsui W. *Godzilla on My Mind: Fifty Years of the King of Monsters*. New York: Palgrave Macmillan, 2004.

³³ Янагита Кунио. Ёкай данги // Тэйхон... 1970. Т. 4. С. 292–293. Перевод и анализ этого отрывка см. в: Foster M. D. *Pandemonium...* P. 153–154.

ряться с миром. Этот тип привидений часто встречается в легендах и рассказах от первого лица, в которых сюжет вращается вокруг внезапного шокирующего осознания, что человек, который кажется вполне живым, на самом деле уже мертв.

Сцена из пьесы кабуки «Тэндзику Токубэй икоку-но ханаси» на премьере в Эдо. Оноэ Мацусукэ I показан в роли призрака Иохаты, а Мацумото Кодзиро – в роли Мокуэмона. Гравюра на дереве. Художник: Утагава Тоёкуни I (1769–1825). 1804.

National Museum of Asian Art, Smithsonian Institution, Arthur M. Sackler Collection, The Anne van Biema Collection, S2004.3.107

Со вторым типом привидений, во многом сходным с первым, можно столкнуться в драматургии и искусстве. Их отличает то, что они явно выглядят перешедшими черту между жизнью и смертью; они могут быть одеты в погребальный саван или не иметь ног (особенно распространенная черта японских призраков). Увидев такого призрака, сразу понимаешь, что перед тобой мертвец. Этот тип привидений хорошо подходит для театральных постановок и художественных работ, но редко появляется в народных сказаниях или местных легендах. Важным аспектом обоих этих типов призраков является то, что они не просто что-то смутное и пугающее – они скорее ассоциируются, часто по имени, с конкретным некогда жившим человеком³⁴.

Событие становится объектом

Исследуя различные слова, связанные с ёкаями, мы получаем представление как об истории, так и о параметрах концепта, а также о том, как он вписывается в культурный контекст. Но одними словами исследование ограничиваться не может. Теперь я хотел бы сделать шаг назад и подумать о базовых когнитивных процессах, которые теоретически приводят к возникновению ёкаев. Эти процессы, конечно, свойственны не только японцам. Во всех культурах, вполне вероятно, есть традиции, связанные с ёкаями, независимо от того, как их называют: монстры, духи, демоны или как-либо еще. Таким образом, происхождение ёкая – это на самом деле философский вопрос; размышления о нем помогают нам исследовать, как люди пытаются понять, объяснить и проконтролировать окружающий мир.

Представьте, что вы ночью одни в старом доме в сельской местности. Вы лежите в постели, пытаетесь заснуть. Внезапно вы слышите, как за окном что-то дребезжит и скребется по стенам. Это, наверное, всего лишь ветер, думаете вы, встаете и подходите к окну, чтобы прислушаться повнимательнее. Звуки прекращаются. Вы открываете окно и вглядываетесь в темноту, но там ничего нет, ни ветерка.

Вы возвращаетесь в постель. Звуки начинаются снова. Может быть, это какое-то животное? Может, на чердаке завелась белка или опоссум или снаружи какой-нибудь зверек царапает стену дома? Но опять, как только вы встаете проверить, звуки прекращаются.

А если это продолжается ночь за ночью? Днем вы тщательно осматриваете дом, надеясь обнаружить явные признаки присутствия животного или, может быть, дерево, задевающее карниз. Но ничего не находите. Что дальше? Вы сталкиваетесь с какой-то бессмыслицей, с чем-то, что не подчиняется известным вам законам природы и науки. Но должно же быть какое-то объяснение. Возможно, это дело рук человека. Рядом живут маленькие хулиганы? Кто-то пытается вам досадить? Вы не помните, чтобы делали что-то, что могло бы кого-то разозлить.

В этот момент, когда все возможности в известном мире исчерпаны, вы ступаете на тропу неизведанного. Возможно, что-то пытается связаться с вами. Эти таинственные звуки – это какой-то знак? Предупреждение, что нужно покинуть дом? Или, может быть, это успокаивающий сигнал – о том, что вы защищены и не одиноки? Возможно ли, что когда-то в этом доме произошло что-то страшное – возможно, кто-то умер, – и вот так выражается это воспоминание? Бесконечные объяснения вызывают тревогу, мешая засыпать по ночам не меньше, чем сами звуки.

И вот однажды глубокой ночью, когда вы, совершенно измученный, наконец засыпаете, вам снятся маленькие существа, похожие на демонов, каждое с молотком в руке, которые колотят по фундаменту дома, карабкаются по стенам, царапают их когтистыми лапами, стучат по стеклам. Проснувшись, вы уже знаете, что это и есть причина шума – эти маленькие существа,

³⁴ Комацу. Ёкай то ва наника... С. 27–29. Слово «юрэй», которое происходит из Китая, начало использоваться в Японии в IX и X веках, хотя его значение и использование со временем изменилось. См.: Кояма. Мононокэ... С. 25–26.

и вы называете их *янари*, что означает «домашний скрипун». Не то чтобы вы решили проблему шума, но теперь у вас есть для него название и образ вызывающих его существ. Это уже не просто какая-то смутная тайна, а тайна вполне определенная. Это янари не дают вам спать по ночам. И теперь вы можете подумать о том, как заставить их убраться прочь.

Конечно, эта история – выдумка, хотя существует ёкай янари, производящий странные звуки в доме. Я привожу ее, чтобы представить ход мыслительного процесса, который постепенно превращает странный опыт – таинственные ночные звуки – в узнаваемый объект, имеющий плоть и название. Более того, возможно, этот материальный и названный объект уже часть общественного сознания; когда вы рассказываете подруге о странных звуках, она немедленно идентифицирует виновников как янари, а затем описывает их как маленьких демоноподобных существ с молотками. Ваше воображение получает это знание, и, снова услышав те звуки, вы уже видите перед своим мысленным взором только тех самых янари. В некотором смысле это фольклор в действии: общие знания, передаваемые от человека к человеку, помогают нам осмыслить новый непонятный опыт. Это также может помочь найти решение: поскольку теперь вы знаете причину проблемы, возможно, вам удастся найти амулет или заклинание, которое избавит вас от этих озорных демонов.

Янари в стиле Ториямы Сэкиэна. Иллюстрация из «Кайбуцу эхон». Художник неизвестен. Период Эдо.

Courtesy of International Research Center for Japanese Studies

Приведем еще один пример. Вы целый день рубили дрова в лесу. Стемнело. Вы голодны и измучены, а вам предстоит долгая дорога. Итак, вы взваливаете на плечи свой мешок и отправляетесь в путь через горы. Вы идете и идете и вдруг понимаете, что больше не можете сделать ни шагу вперед. Как будто что-то преграждает путь: какая-то прочная, но невидимая стена. И на самом деле, существует ёкай *нурикабэ* (букв. «гипсовая стена»), описываемый именно так: внезапно возникающая стена, которая мешает двигаться вперед. Во второй половине XX века художник манги Мидзуки Сигэру нарисовал нурикабэ, дав ему ноги, руки и два маленьких глаза. Вскоре он стал обычным персонажем его манги и аниме, обретая известность среди детей и взрослых по всей Японии. Таким образом, мы можем наблюдать здесь процесс, когда стран-

ное явление (неспособность двигаться вперед) превращается в ёкая (нурикабэ) и в конечном счете даже становится известным персонажем.

В качестве интересной параллели можно привести марафонцев, которые часто говорят, что «ударяются о стену» примерно на двадцатой миле забега. Конечно, удар о стену – это яркий образ внезапно настигшей бегуна усталости. В буквальном смысле, конечно, никакой стены нет. Но в том-то и дело, что мы не всегда говорим буквально. Чаще мы используем образы: метафоры и другие фигуры речи, – чтобы точно и изящно выразить наши идеи и чувства. Здесь бегун проецирует внутренний опыт (изнутри тела) во внешний мир. Жесткий образ удара о стену – мощный, запоминающийся и эффективный способ выразить чувство беспомощности.

Опыт бегунов очень близок к идее встречи с нурикабэ. Если удар о стену – само по себе метафора, то нурикабэ – это метафора несколько более вещественная, в которой явление не просто описывается как ощущение удара о стену, а получает собственное название и индивидуальность. (Называя ёкая метафорой, я ни в коем случае не говорю, что он нереален, – он так же реален, как и любое другое «явление», для которого у нас есть слово или фигура речи.)

Но, конечно, ученые не стали бы объяснять внезапную потерю энергии с помощью нурикабэ. Они сказали бы, что ощущение «удара о стену» возникает, когда «запасы гликогена в организме исчерпаны и энергия начинает образовываться из жиров»³⁵. Означает ли это, что нурикабэ просто объяснение для тех, кто ничего не смыслит в биологии и медицине? Конечно, то, как вы что-то объясняете, зависит от вашего происхождения и культуры – вашего образования, интересов, ценностей, убеждений. Совершенно так же мы могли бы сказать, что «истощение запасов гликогена» – это то, как люди, ничего не знающие о ёкаях, объясняют свою встречу с нурикабэ! Это объяснение в каком-то смысле более убедительное – в конце концов, я могу нарисовать нурикабэ, но понятия не имею, как выглядит истощение запасов гликогена.

Таким образом, исследуя ёкаев, мы бросаем себе вызов в вопросах веры, как личной, так культурной, а также в метафизических и феноменологических вопросах о том, как мы переживаем и воспринимаем жизнь. Например, хотя вера в сверхъестественное часто опровергается как иррациональная и ненаучная, на самом деле мы можем считать процессы создания ёкаев в некотором смысле рациональными. Неизвестное, вызывающее страх, все то, из-за чего нас захлестывает тревога, тщательно определяется, обретает форму и название. Только тогда мы можем с этим справиться. Независимо от того, обозначаем ли мы что-то как ёкая или болезнь, называем ли мы это нурикабэ или истощением гликогена, идентификация помогает нам отреагировать соответствующе, так что довольно разумно решает проблему.

Создание ёкая – это процесс трансформации страха, тайны, непознанного в нечто конкретное. Например, понятие «хякки ягё», обсуждавшееся ранее, хотя и обозначало ужасающее и непостижимое событие, со временем превратилось в нечто, что можно нарисовать и с чем можно развлечься. Мы можем представить себе этот процесс как постепенное движение от столпотворения к параду, от хаотического страха перед неосязаемым и неизвестным к упорядоченной демонстрации безобидных известных существ.

Событие, присутствие, объект

Учитывая все вышесказанное, вкратце опишем, как Комацу Кадзухико – вероятно, ведущий академический авторитет в области сверхъестественного в Японии – анализирует развитие ёкаев в японской истории. Отчасти я даю обзор идей Комацу потому, что они сформи-

³⁵ Stevinson C. D., Biddle S. J. Cognitive Orientations in Marathon Running and 'Hitting the Wall' // British Journal of Sports Medicine. September 1998. Vol. 32, № 3. P. 229. О важности соматического опыта как источника веры в сверхъестественное см. классическую работу: Hufford's D. J. The Terror That Comes in the Night: An Experience-Centered Study of Supernatural Assault Traditions. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1982.

ровали мое собственное восприятие, но, что более важно, они отражают идеи очень многих ученых, работающих в настоящее время в Японии, и оказали влияние на них. Книги Комацу читает и широкая публика, поэтому они также сказываются и на представлениях масс о ёкаях. Комацу дает структурный анализ, разделяя ёкаев на три «сферы», или «территории»: ёкай как событие, как сила и как объект.

Ёкай как событие

На территорию такого ёкая вы ступаете, когда ощущаете что-то странное, загадочное или сверхъестественное с помощью одного (или более) из пяти чувств. Когда вы чувствуете, что это явление (*гэнсё*) или событие (*дэкигото*) вызвано «чем-то сверхъестественным и нежелательным» (*нодзомасикунай тёсидзэнтэки на моно*), то вы предполагаете вмешательство «ёкая». Теоретически может быть задействовано любое из пяти чувств: зрение, слух, обоняние, осязание или вкус, – но чаще всего такое явление воспринимается глазами и ушами.

Комацу рассказывает, как однажды кто-то проводит ночь в хижине в деревне. Поздно ночью этот человек слышит, как вдалеке рубят дерево, но, исследовав местность на следующее утро, не обнаруживает ни одного пня. Оказывается, о таком явлении уже давно существует народное сказание: оно известно как *фурусом*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.